

На русском Севере еще помнят живое слово Евгения Салтыкова

В эти дни коллеги-журналисты и читатели разных поколений, живущие в Поморье и перебравшиеся в другие города, включая Москву и Петербург, вспоминают талантливого журналиста
Евгения Салтыкова –
2 ноября исполнилось 90 лет со

дня его рождения.

Евгения Евгеньевича не стало в 1994 году, но слово его и добрые начинания живут в памяти людей.

Салтыков не соглашался

Это был блистательный журналист. С ярко выраженным общественным темпераментом. Великолепный организатор. Тонкий стилист, который хорошо чувствовал слово.

Есть такой афоризм: «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает». А хорошо думает талантливый, образованный. Рождается и возрастает талант – в семье.

Отец его, Евгений Александрович, был матросом миноносца «Ретивый», экипаж которого в 1917-м участвовал в Февральской революции. А в апреле по предложению мастера лесозавода Салтыкова Мезенский «общеуездный съезд представителей всего населения» принял резолюцию: «Власть Советскую как власть народную, а не одной политической партии признать». Съезд избрал исполком будущих Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов во главе с Е.А. Салтыковым. То есть он стал первым главой исполнительной власти на Мезени. Но через некоторое время ему пришлось уехать в Архангельск. Он работал

здесь механиком паросиловых установок. От большевистской партии держался в стороне. Как затем и сын.

Мать Евгения Салтыкова, Лидия Владимировна, урождённая Витман (из Немецкой слободы?), была домашней хозяйкой, отдавала себя воспитанию и образованию сына.

Студентом Архангельского пединститута Евгений Салтыков увидел свою подпись в литературно-художественном альманахе «Север» (1952 год, №13) – здесь на двух десятках страниц вышли «Заметки о театре», написанные им в соавторстве с Александром Михайловым, сокурсником, другом, будущим профессором Литературного института. А читатели «Правды Севера» узнали Салтыкова как автора газеты ещё в конце сороковых годов.

По окончании с отличием альма-матер Салтыков работал учителем русского языка и литературы в Ерцевской средней школе (Коношский район). В 1954-1956 годах служил в армии. К учительскому делу не вернулся, но учителем наверняка был хорошим, аргумент на этот счёт – работа созданного им впоследствии при редакции «Правды Севера» клуба «Весёлый ветер» для «трудных» подростков. Он организовал для них пешие и водные походы по родному краю; например, на теплоходе «Олекма» по маршруту Архангельск – Котлас и обратно. За публикации о работе клуба был награжден в 1965 году областной журналистской премией имени Аркадия Гайдара; в советские годы она ценилась среди журналистов Севера как знак отличия, наряду с орденами и медалями. В 1987 году будет у Е.Е. Салтыкова и государственная награда – медаль «За трудовую доблесть».

...Во время горбачёвской перестройки армию поносили, высший военачальник сказал в большой газете: «Армия – срез общества, какое общество, такая и армия». Салтыков не согласился: «Армия в лучших своих проявлениях не копирует общество. Может, она обязана быть выше «гражданки» не только в порядках, но и в заботе о своих сыновьях, которые на два-три года поставлены в жёсткие, справедливые, но экстремальные условия формирования личности».

По возвращении в Архангельск Салтыков стал литературным сотрудником «Северного комсомольца». Год учился на отделении журналистики Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. В разное время заведовал в газете отделами учащейся молодёжи, комсомольской жизни, физкультуры и спорта. Руководил литературным кружком при редакции. В 1959-м – в числе первых в Архангельской области – принят в Союз журналистов СССР.

«Вы что, на «Голос Америки» работаете?»

В декабре 1960-го на первую полосу новогоднего номера Салтыков предложил «Стихи о бессоннице» Юрия Лощица:

...За каждый час, впустую прожитый
Потомки строго спросят с нас...
Ну что ж, что мы не досыпали:
Такой, видать, бессонный век.

Пусть удивляем мы кого-то,
Ну что ж – у нас закон такой,
Что надо на земле работать,
А отсыпаться – под землёй.

Стихи хорошие, их напечатали. Но потом они были прочитаны с комментариями по «вражьи́м голосам» – «Голосу Америки», Би-Би-Си – и обком КПСС с вопросом: «Вы что, на «Голос Америки» работаете?» – разжаловал редактора Юрия Мишарина в ответственные секретари, а Евгения Салтыкова – в «рядовые» журналисты.

В 1963 году Салтыков стал корреспондентом отдела информации «Правды Севера», а через год – его заведующим. Он умел делать из даты, факта событие, явление. Проблемы решал, забывая о семье... Он и сам стал явлением. «Евгений Евгеньевич писал в газету прежде всего о том, что делало Архангельск лучше, благороднее, интеллигентнее, современнее», – точно отметил ветеран журналистики Альберт Иванович Новосёлов.

Первый

С работой Евгения Евгеньевича навсегда соединилось слово «первый» – это от жадного любопытства к жизни и неустанного творческого поиска.

Салтыков первым рассказал об открытии моста через Северную Двину; первым – о чтении сказок Степана Писахова знаменитым артистом Игорем Ильинским. По инициативе Салтыкова был организован в Архангельске автобусный маршрут «Ниточка» для ребятишек детских садов; пункт проката детских машин «Карпуз»; раньше других коллег поглядел он на Архангельск с небоскрёба. По его предложению крупнейший в мире барк «Седов» пришёл в Архангельск на празднование 400-летия города.

Он придумал символ международного турнира по хоккею с мячом в Архангельске – медведя Умку. Читатели с нетерпением ожидали репортажей Салтыкова с матчей «Водника». Он смотрел все игры любимой команды. Даже когда лежал в больнице из-за позвоночника, почти полностью загипсованный; договорился, что на «скорой помощи» его привезут на стадион на открытие чемпионата, поднимут носилки под некоторым углом, откроют машину – и он всё увидит. И увидел, и репортаж написал. В палате ему телефон поставили, чтобы он продолжал работать как репортёр...

К чемпионатам страны он, летописец «Водника», писал брошюры-программки, где среди прочего содержались интервью с известнейшими спортсменами, артистами, литераторами, поклонниками русского хоккея: то с Всеволодом Бобровым и Андреем Старостиным, то с Николаем Озеровым, Игорем Ильинским или Константином Ваншенкиным и другими.

Именно Салтыков освещал в 1967-м в «Правде Севера» знаменитый поход карбаса «Щелья» в «златокипящую» Мангазею, в «заполярный Багдад». Путешествие двух мореходов – Дмитрия Буторина и Михаила Скороходова – получило всесоюзный резонанс. Затем с экипажем «Щельи» встретился в своём кабинете Министр морского флота СССР. Спецкор «Правды Севера» Салтыков там был, подробно

и живо описал эту встречу.

К слову, первое испытание водой отремонтированная старая посуда не выдержала: треснула и чуть не утонула. Подняли её на слип яхт-клуба (сооружение в виде наклонной плоскости для подъёма и спуска судна) курсанты мореходки, которых привёл Салтыков. Он же – после того, как карбас проконопатили заново – славянской вязью вывел на борту «Щельи» её название.

Салтыков добивался сохранения облика деревянного города, реставрации его оригинальных домов. И безуспешно. Темы Великой Отечественной войны и «афганской» были для Евгения Евгеньевича особенно важными. Для них придумал рубрики: «Землянка» и «Поверка».

При Горбачёве именно Евгений Евгеньевич замечательным очерком «Уха для Хрущева» снял запрет на упоминание в газете имени лидера СССР – рассказал о приезде его в Архангельск и Северодвинск в 1962 году. Тот визит, как известно, имел огромное значение для развития наших городов.

При Горбачёве же Евгений Евгеньевич рассказал о том, что в 1963 году «Правда Севера» могла первой опубликовать прекрасные северные стихотворения Евгения Евтушенко, в том числе «Белые ночи в Архангельске» (кто, как не наш журналист договорился об этом с поэтом), но публикация тогда не состоялась: тучи хрущёвской опалы над Евтушенко и до Архангельска добрались. Напечатаны стихи в газете через тридцать лет в рубрике «Архангельская антология».

Белые ночи – сплошное «может».

Светится что-то и странно тревожит –
может быть, солнце, может, луна.

Может быть, с грустью, может, с весельем,

Может, Архангельском, может Марселем

бродят новёхонькие штурмана.

Правление областного отделения Союза писателей никак не может подготовить антологию произведений о Севере, – но она есть в

газетном варианте благодаря Салтыкову.

Песня о Северной Двине на стихи Константина Ваншенкина и Яна Френкеля («От Котласа к Архангельску По правильному адресу...»); появление в кирхе органа; возрождение Маргаритинской ярмарки – и тут не обошлось без Евгения Евгеньевича.

В 1992 году Евгений Салтыков первым взял интервью у рассекреченного академика Николая Лавёрова. И хотя Николай Павлович был очень занят, Евгений Евгеньевич сумел взять у него и автограф для читателей «Правды Севера» в связи с созданием Ломоносовского фонда. Во многом благодаря Салтыкову тема космоса приобрела и региональный аспект.

Литературный критик и литературовед Александр Алексеевич Михайлов в очерке о друге («Правда Севера», 18 марта 1995 года) сказал, в частности, следующее: «Салтыкова побаивались высокие областные чиновники. Побоялись его прямоты и настырности. Если ему удавалось у кого-то из них вырвать некое обещание что-то сделать для города – а он умел выбивать такие обещания, – то этот кто-то лишался спокойной жизни именно на тот срок, который требовался для исполнения обещания».

Но и Салтыкову с его пробивными качествами не всё удалось... Как он хотел видеть диораму боя ледокольного парохода «Сибиряков» (Александра Матросова советского флота), с фашистским линкором «Адмирал Шеер»! Как мечтал о скульптуре в полный рост – на Красной пристани – женщины, ожидающей с моря близкого человека. «Моряки уходили в далёкие, суровые, подчас неведомые рейсы. Одни возвращались, другие гибли в океанской пучине, а женщина ждала. Может ли быть возвышеннее и трагичнее, чем этот символ верности и надежды, памятник всем, кто участвовал в северных конвоях и одиночных плаваниях в жестокую военную годину?» – задавался вопросом Евгений Евгеньевич.

Класс – высочайший

Он был профессионалом высочайшего класса. Во всех аспектах

работы. Из воспоминаний Александра Емельяненко, бывшего заместителя ответственного секретаря «Правды Севера», впоследствии редактора «Северного комсомольца», затем – журналиста «Российской газеты»:

«Мне нравилось макетировать полосу, когда на ней шёл материал Евгения Евгеньевича. Он тонко чувствовал то, что называется «подать товар». Для порядка всегда считал полезным попрепираться по поводу объёма:

– Не скупись, не скупись, добавь ещё колонку. А два куска пометь нонпарелью – в тексте указано. Но снимок не трогай...

Наутро, когда из наборного цеха приносили первые оттиски и в его материале не оказывалось «хвоста», Салтыков удовлетворённо хмыкал:

– Ну, вот – что я говорил? Надо только захотеть... – И лез в карман, чтобы одарить мои старания очередной барбариской».

А как он работал с авторами! Скрупулёзно, тщательно, порой чересчур долго и въедливо, но ему благодарны за науку, за школу многие, в том числе вузовская профессура – Владимир Булатов, Владислав Голдин и другие. «Ты, миленький, хороший очерк написал, но заголовок твой никуда не годится. Заголовок – это ворота в тему. Давай думать...»

Его мнение ценил академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв – можно представить? «Дорогой Евгений Евгеньевич! Я не очень доволен тем, что получилось, – прочитал Салтыков. – Но всё-таки – взгляните. Люблю Архангельск искренне. Ваш Д. Лихачёв. 11. III.84».

Он раздавал авторам идеи – статьи, книги. «Судьба адмирала Кузнецова – ваша тема», – сказал Евгений Салтыков ректору пединститута Владимиру Булатову. Владимир Николаевич напишет книгу, которая выйдет в знаменитой серии «ЖЗЛ».

На пассажирском речном теплоходе «Адмирал Кузнецов» не было библиотеки – Салтыков развернул кипучую деятельность по её созданию, и не зря старался.

Уникальной акцией «Правды Севера» стал в апреле-мае 1991 года посвящённый Дню славянской письменности и культуры читательский конкурс «Северное слово». Организовал его, конечно же, Салтыков. Он привлёк к конкурсу писателей (председателем жюри был Евгений Богданов), Общество книголюбов, родной пединститут. Кое-кто в редакции скептически смотрел на затею Салтыкова – до этого ли конкурса в смутное время, откликнутся ли читатели? Откликнулись, да ещё как! На вопросы двух туров пришло 1100 писем, а отвечали целыми семьями.

Помощником Евгения Салтыкова стал Альберт Новосёлов: «Он приносил из дому словари и пособия, мы часами корпели над источниками и в рабочем кабинете, и у него дома. Он придумывал тексты к словам, объяснял художнику редакции, как сделать рисунки поизящнее – спуску нам не давал. Кроссворд родился, и было в нём аж 73 слова, – рассказывает Альберт Иванович. – Кабинет Салтыкова был завален письмами. Каждое он прочитал, разложил по папкам, цитировал на редакционных летучках. Написал в газете восторженные обзоры... Дружить с ним было радостью. Радостью совместного творчества».

Интерес к конкурсу был необычайный. Библиотеки испытывали небывалый наплыв посетителей, которые становились в очередь за словарями, книгами северных писателей. Победители получили нешуточные призы, каждому участнику конкурса вручена грамота со словами «Сия грамота дарована за усердие в соревновательстве на знание и разумение северного слова».

«Нет, не умрёт наше северное баское слово, – прочитал Салтыков в одном из писем...

На вопрос коллеги о том, как родилась идея конкурса, Евгений Евгеньевич ответил так: «Давненько обдумывал мысль. Ясно же, что необходимо рассказывать наш письменный и разговорный язык. Живое слово нужно нам и на завалинке, и в студенческой аудитории, и на трибунах российского и областного парламента, в общении, в спорах, в деловом обороте. Наконец-то, кажется,

мы догадываемся, что главное – это человек с его словом, которое готово выручить нас в беде, в уразумении происходящего, в злую пору, когда в ругани можно запросто сорвать голос».

В том, что мы, кажется, не сорвали голос, заслуга и таких людей, как Евгений Салтыков.

В 1993 он был назначен обозревателем по историко-социальным вопросам. Только в этот последний год жизни и отошел от напряженной работы. Но был полон замыслов и щедро делился ими с друзьями. Ему принадлежит идея книги о Новой Земле, проблемы которой тогда волновали всех, – и документально-публицистическая книга «Terra incognita Арктики», авторами которой стали архангельские журналист и краевед, норвежский и архангельский историки, вышла в 1996 году. К сожалению, он не увидел ее. Как не дождался Маргаритинской ярмарки, возрождения которой добивался.

– Где диорама, которая бы показала бой ледокольного парохода «Сибиряков» с фашистским крейсером «Адмирал Шеер»? – восклицал он. «Сибиряков» – символ духа, стойкости, чести. Сделать бы эту диораму, в память о северных морях!

По тексту Сергея Доморощенина и Виктора Толкачёва